

ТЭЭТ КАЛЛАС: НОВЕЛЛЫ И ГЕРОИ

О НОВОМ СБОРНИКЕ «ТОСКА ПО ФИОРДАМ»

Перед нами «Тоска по фиордам» — первый изданный на русском языке сборник новелл Тээта Калласа (ранее в русском переводе вышли его повесть «Так много солнца», 1981 и роман «Звонит, поэт», 1980). В книгу вошли новеллы, создававшиеся на протяжении более чем полутора десятка лет, печатавшиеся в журналах и входившие в состав десяти сборников «малой прозы». Таким образом, «Тоска по фиордам» призвана быть в известной мере «визитной карточкой» новеллистического творчества Калласа для русского читателя.

Тээт Каллас вошел в эстонскую литературу в середине 60-х годов; он принадлежит к одному литературному поколению с Арво Валтоном, Энном Ветемаа и Мати Унтоном. Писатели эти ввели в литературу фигуру своего современника — в

то время совсем еще молодого человека (хотя и соприкоснувшегося с самого начала с весьма взрослыми проблемами); они обратили на себя внимание дотошным изучением его внутреннего мира и заостренной постановкой нравственно-психологических, а затем и философских проблем, волнующих каждого из нас. Тем самым они вскоре обратили на себя внимание не только эстонской, но и всеобщей критики. В художественном плане творчество писателей этого поколения немало способствовало обновлению эстонской прозы в целом — вместе с ними в литературу нашей республики вошли гротеск, внутренний монолог, соединение жизнеподобия с условной техникой повествования, моделирование «невероятных» с житейской точки зрения ситуаций. Наверное, сегодня еще преждевременно подводить итоги этому течению в эстонской прозе, тем более, что в 70—80-х годах в него вошли и продолжают его развивать многие молодые писатели — Мари Саат, Яан Круусвалл, Вайно Вахинг, Тоомас Винт и другие. Однако время уже отсеивает подлинное от наносного, худо-

жественно ценное от модного поветрия, действительные находки от экспериментальных изысков...

В этом смысле русский сборник новелл Тээта Калласа представляет существенный интерес. Он, на наш взгляд, дает читателю представление о своеобразии творческой манеры писателя в целом. И дело не столько в присущей Калласу ностальгической тоске по юности, и не столько даже в его пристальном интересе к людям с несостоявшейся судьбой — и то и другое в его рассказах действительно присутствует, зачастую повторяясь, но — можно ли это считать главным, определяющим?

Обратимся к составляющим сборник новеллам. О чем в них идет речь, какие пласты нашей жизни они освещают? Чаще всего, как правило, в них даются эпизоды и ситуации из повседневной жизни большого современного города.

Кто же герои этих рассказов? Таксист, страдающий от «серости» своих рабочих будней, несущий в душе мечту о некоей другой, «красивой» жизни («Такси сквозь грустный дождь»). Старая дева, «синий чулок» от науки, принцип жизни которой — «этого не может быть, потому что этого быть не может» («Кое-что новое о летающих тарелках»).

Но, пожалуй, наиболее изблюбленные персонажи Калласа — это опустившиеся «богемные» интеллигенты, люди с несостоявшейся или неудачной творческой судьбой. Это Пан, мнящий себя поэтом, тонким ценителем искусства, но коротающий дни в бесцельном брожении

из одной пивнушки в другую, а ночи — на должности ночного вахтера, являющейся для него единственным средством к существованию («Человек искусства»). Это Т. Р., страдающий хроническими запоями литератор, бегущий от беспорядочной жизни в городе на уединенный остров к другу — в надежде вернуться там к полноценной творческой деятельности («Вечерний свет»). Это Маргус Времзе — феноменально одаренный филолог-эрудит, в «охоте к перемене мест» так и не создавший ничего путного, но лелеющий в душе детскую мечту о «зеленых воротах» («Зеленые ворота»).

Юмористический и сатирический дар Калласа сполна раскрывается в подобных новеллах, соседствуя с доброй улыбкой, порою — с лирическим сочувствием ко всем этим бедолагам.

Эта линия его творчества находит органическое продолжение в новеллах «мистификационного» типа. Так, в новелле «Хорошо, что он умер» перед читателем предстает передкомпаний подгулявших литераторов вдруг является во плоти и разделяет их застолье давно умерший писатель 1920-х годов... В «Ночи в четвертом микрорайоне» в постели главного героя неожиданно оказывается вместе его нынешней жены предвудущая, с которой он много лет тому назад разошелся... Правда, в таких новеллах мистификация остается на уровне бытового анекдота, служа лишь более рельефному «проявлению» подлинной сути героев. В «Пробуждении Еввы» мистификация со средневековой каретой на улицах современного Таллина и принципом во фране, изъясняющемся по-французски, оказывается элементарным розыгрышем, тем более обидным для героини, что брак с «принцем» принес ей горечь повседневного серенького существования...

Более глубокую функцию выполняет художественная мистификация в «Зеленых воротах»: история, якобы, происшедшая с Маргусом Времзе в детстве, когда он попал в таинственный средневековый дворик, на чашку кофе с пожилыми испанскими доннами, становится мифом, символом «голубой мечты» героя, философским образным ключом новеллы в целом, строящейся на контрасте высокой поэтической мечты и банальной повседневности. Одна из лучших новелл Калласа — «Зеленые ворота» — показывает умение писателя поэтизировать неповторимую красоту нашего Старого города, в уголках которого всегда есть что-то таинственное. Новелла, давшая название сборнику, — «Тоска по фиордам», будучи сугубо жизнеподобной, строится также на этом (очевидно, ключевом для Калласа) контрасте «голубой мечты» и повседневности.

На мистификации зиждется и сюжет «Последнего убийства» — новеллы о том, как у плодовитого, но в общем-то не очень талантливого автора детективов Мартина Кулля послушная игра воображения населила его реальную дачу «реальным» убийством, картина которого в точности повторяла то, что он несколько часов назад изобразил на бумаге... Но если здоровья Кулля эта потрясшая его картина (хоть и оказавшаяся, к счастью, наваждением) все же неспособна была лишить рассудка, то в «Случае инженера Паберита» развязка оказывается трагичнее. Герой

попадает в психиатрическую больницу. Причиной катастрофы по Калласу послужила чрезмерная рутинная упорядоченность образа мышления и жизни инженера, нарушение чего вызвало в ответ неадекватные реакции этого человека, приведшие к психическому расстройству.

Жизнь смятенного, ненормального сознания с анализом причин, повлекших психический сдвиг, писатель рассматривает в новеллах «Возвращение к большим камням» и «Ученик убийцы». В первой из них проводится мысль об оздоравливающем влиянии на человеческую психику естественной природной среды, во второй идет речь о потрясении, которое в сознании героя возникает от известия, что его наставник на работе был скрывающийся от возмездия военный преступник. Хотя автору и удается, без сомнения, мастерски изобразить сам процесс потрясения человеческой психики, вторая новелла, на наш взгляд, излишне натуралистична. Что же касается «Традиционного сборника», то, хотя и понимаешь сам прием обнажения в этой новелле подлинной сути ее героев, эмоционально трудно принять жуть ее дюрренматтовской (как в «Визите старой дамы») развязки, возникает вопрос о ее художественной мотивированности.

Каким же предстает Тээт Каллас по прочтении сборника? Он, без сомнения, уверенно владеет жанром новеллы, умением строить ее сюжет на неожиданных, нередко парадоксальных поворотах действия. Он хорошо чувствует ритм сегодняшнего дня нашей жизни; ее проблемы и реалии, знает и любит своих героев, понимает то, что творится у них в душе.

НАФТОЛИЙ БАССЕЛЬ.